

ФОРМЫ ВЛАСТНОГО БЫТИЯ ОБЩЕСТВА

.....

В.В. Меньшиков*

Власть может приобретать различные формы выражения, что во многом зависит от сферы проявления, назначения, целей, которые она реализует. Дифференциация социальной власти на экономическую и политическую связана с эволюцией общества. В рабовладельческом и феодальном обществе экономические и политические отношения находятся преимущественно в тесно взаимосвязанном виде из-за того, что отношения к собственности определяют политическую значимость человека. С формированием капиталистических отношений происходит дифференциация социальной власти на относительно самостоятельные формы.

Экономическая власть

В марксистском понимании решение вопроса о соотношении сфер состояло в том, что приоритет отдавался экономическим отношениям как ведущей стороне общественного развития. Другие сферы рассматривались как зависимые от производственных отношений. На этом принципе строилось учение о базе и надстройке. Развитие способа производства, противоречия между производительными силами и производственными отношениями были положены в основу понимания процесса смены общественно-экономических формаций. «Марксистская концепция общества, в том числе капиталистического, — социологична, но социология тесно связана с философией. Из связей между философией и социологией, которые можно понимать по-разному, проистекает множество затруднений в интерпретации. Наряду с этим собственно марксистская социология допускает разные толкования в зависимости от более или менее догматических определений таких понятий, как производительные силы и производственные отношения, а также в зависимости от того, рассмат-

* Меньшиков Валерий Владимирович — кандидат философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: politics@kubsu.ru.

ривают ли общественную систему как детерминированную базисом. Понятия базиса и надстройки к тому же неясны и допускают бесконечные спекуляции. Наконец, дают повод к разным толкованиям и отношения между экономией и социологией. По Марксу, общество в целом можно понять, лишь отталкиваясь от экономической науки, но отношения между экономическими процессами и обществом в целом двусмысленны» [2, с. 176 177].

При всех недостатках марксистского подхода некоторые положения марксистской теории власти заслуживают внимания. Так, в «Капитале» К. Маркс одним из первых исследовал структуру экономической власти, которая в условиях капиталистических производственных отношений выступает в форме власти промышленного капитала, проходящего в своем развитии три стадии (фазы): стадию денежного капитала, товарного капитала, производительного капитала. Капитал он понимает как самовозрастающую стоимость, а власть капиталиста — как олицетворение в его лице власти капитала. Данные виды власти, качественно изменившись, в определенном смысле сохраняют свое значение и сегодня. В понимании экономической власти в марксизме в основном превалирует классовый подход.

Существенное внимание экономической власти уделял М. Вебер. Он рассматривал ее в тесной связи с политической властью. «Бои за *власть*, — писал он, — это в конечном счете еще и процессы экономического развития, а *властные* интересы нации там, где они поставлены под сомнение, суть последние и решающие интересы, на службу которым должна быть поставлена ее хозяйственная политика; наука о народнохозяйственной политике есть наука *политическая*» [3, с. 25]. Вебер считал, что экономическая власть и призвание к политическому руководству нацией не всегда совпадают друг с другом. Политическая зрелость нации проявляется в соответствующей способности ставить долговременные экономические и политические властные интересы нации выше всех прочих соображений. «Именно *достижение экономической власти* во все времена способствовало возникновению у добившегося ее класса представления о собственных *правах на политическое руководство*» [3, с. 31]. Стремление экономически господствующего класса к политическому господству — один из законов общественного развития, который, согласно Веберу, присущ всем классовым периодам общественного развития. Ученый отмечал тенденцию выхода экономического развития за рамки национальных границ и начавшийся процесс создания всеохватывающей хозяйственной общности наций. Применительно к экономической власти это можно понимать как выход ее за рамки национальных государств.

В отличие от К. Маркса, уделявшего большое внимание внутренней организации экономической власти промышленного капитала, М. Вебер в основном сосредоточивал внимание на вопросе взаимодействия экономической и политической власти. По мнению М. Вебера, капиталистическая организация производственной жизни по-разному влияет на политику. Это влияние может быть явным, а может носить скрытый характер. Примером может служить вли-

яние «босса» на деятельность политической партии. «Босс необходим для партийной организации. Он прибирает ее к своим рукам. Весьма существенным образом босс обеспечивает ее средствами... Типичный босс абсолютно прозаический человек. Он не стремится к социальному престижу; “профессионал” презираем в “приличном обществе”» [4, с. 682 683].

Л.О. Келсо и П.Х. Келсо исходят из того, что в условиях современного капитализма экономическая и политическая власть — это две основные формы власти современного демократического общества, которые в совокупности составляют содержание социальной власти. Экономическую власть они определяют как «правомочие и способность производить товары и услуги, получать доход от занятия производством товаров и услуг на рынок для покупки потребителями» [6, с. 312]. Авторы выделяют две сферы, в которых реализуется экономическая власть. Первая является видимой, она включает фабрики, административные здания, машины и оборудование, линии электропередачи, обрабатываемые поля и скот, нефте- и газохранилища, железные дороги, суда. Вторая сфера — невидимая, структура ее состоит из договорных отношений. В нее входят владельцы инвестиционных и коммерческих банков, юристы, консультанты акционерных корпораций, собственники сырья или капитала в других физических формах, менеджеры, профсоюзные лидеры, специалисты, формирующие конструкцию экономических институтов. «Именно они ткут во всех подробностях ткань прав, полномочий и привилегий, как и взаимных обязанностей, долгов и ограничений, связывающую работников труда и работников капитала с производством товаров и услуг в видимой экономике и попутно определяющую долю дохода, которую получит каждый соответственно его или ее личному вкладу в производство. Эта незримая структура по времени предшествует видимой, поскольку участники производства богатств отказываются связать себя с каким-либо предприятием, не удостоверившись в том, что должны вложить в дело и что оно им даст» [6, с. 99]. Заслуга авторов в том, что они нетрадиционно подходят к пониманию экономического властного взаимодействия в обществе. Обладание капиталом, собственностью вплетено в сложную систему экономического взаимодействия. Экономическая власть реализуется как на видимом, так и невидимом уровнях. При этом невидимая сфера выполняет не только обслуживающую, но и в определенном смысле регулирующую роль. Подчеркивая это, авторы отмечают: *«Невидимый сектор не производит богатства, но недостатки в нем могут позволять и часто позволяют обрести богатство тем, кто его не производит»* [6, с. 100]. Изменить положение можно. Для этого необходимо создать такую конфигурацию невидимой структуры, которая бы отражала отношения тождества между населением, состоящим из работников труда и работников капитала как производителей товаров и услуг и теми же самыми индивидами и их иждивенцами в качестве потребителей товаров и услуг.

Гарантию успешного решения данной проблемы авторы видят в демократизации отношений собственности в хозяйственной политике государства, ори-

ентированной на интересы и потребности большинства населения страны. Они считают, что при демократическом капитализме правительство должно взять на себя значительную финансовую ответственность за состояние хозяйства, разрабатывая политику демократизированной власти в экономике, трудовых отношениях и предпринимательстве и контролируя ее регуляцию. «По мере того как технический прогресс преобразует способ производства товаров и услуг из трудоемкого в капиталоемкий, экономическую демократию нельзя реализовать или поддерживать иначе, как через демократическую собственность на капитал. Обеспечивая ее, государство (т. е. федеральные власти) должно действовать в качестве суррогата, заместителя природы, которая демократически распределила между людьми трудовой потенциал» [6, с. 312]. Итак, экономическая власть реализуется не только через обладание и распределение средств бюджета, но и через деятельность правительства, осуществляющего демократическую экономическую политику. Работа «Демократия и экономическая власть» дает основание для следующих выводов:

1) основу экономической власти могут составлять различные виды собственности; критерием демократичности экономической власти служит наличие демократической собственности;

2) рычаги экономической власти могут находиться не только у непосредственных собственников, но и в структурах, регулирующих экономические отношения собственности;

3) экономическая власть в условиях демократического капитализма при всех свойственных рыночным отношениям коллизиях и перипетиях в конечном счете должна руководствоваться отчетливо сформулированными принципами, обеспечивающими социальное здоровье и благополучие общества;

4) государство, осуществляющее демократизацию собственности, должно способствовать созданию необходимой для этого институциональной среды.

Недооценка, игнорирование, а иногда и непонимание роли экономической власти в современном обществе, тем более в обществе, в котором происходят радикальные экономические перемены, чреват негативными последствиями. В таком случае правительству вряд ли удастся выработать правильную стратегию экономического развития. Поэтому правы те ученые, которые подчеркивают особое значение экономической власти: «В системе властных отношений в обществе экономическая власть играет ничуть не меньшую, а иногда даже большую роль, чем власть политическая» [10, с. 21].

Рассмотрим в общих чертах особенности властного взаимодействия в экономической сфере. Тот факт, что экономическая власть предполагает наличие отношений зависимости, не вызывает сомнений. Специфика в том, что эта зависимость проявляется в сфере экономических отношений. В капиталистическом обществе носителем (субъектом) экономической власти, как правило, являются те, кто обладает собственностью: промышленным или финансовым капиталом, заводами, корпорациями, энергетическими ресурсами, транспортом,

предприятиями сферы услуг и т.д. Субъекту собственности противостоят лица наемного труда (наемные работники), которые, чтобы существовать в условиях конкуренции на рынке труда, вынуждены наниматься за соответствующую плату на предприятие. В данном случае экономической властью обладает тот, кто диктует условия оплаты труда. Однако эта элементарная схема не исчерпывает всего многообразия форм и способов проявления экономической власти, которая может носить индивидуальный и коллективный характер, наряду с частным капиталом ею может обладать государственная власть; работники акционерных и других предприятий могут привлекаться к управлению производством, обладать акциями. Экономическая власть владельцев предприятия может использоваться и для улучшения условий труда, и для стимулирования инициативы, и для участия работников в производственном процессе.

Вместе с тем следует отметить, что чем сильнее экономическая зависимость работника, тем большей по отношению к нему является экономическая власть. Неравенство в сфере экономических отношений лежит в основе экономической власти. Дисциплинарная власть, о которой писал М. Фуко, является всего лишь частным случаем такой зависимости. В демократическом обществе произвол работодателя ограничивается государственным законодательством, защищающим права наемного работника, профсоюзами, другими ассоциациями, отстаивающими интересы трудящихся, и у наемных работников для отстаивания своих интересов имеются свои рычаги экономического властного воздействия: забастовки, протесты, обращение в суд и др.

В условиях конкурентной борьбы экономическая власть на рынке выступает как набор средств и методов, направленных на реализацию произведенной продукции потребителю, как сила, утверждающая свое место на данном пространстве, поэтому рыночная конкуренция является разновидностью экономического властного взаимодействия. В нем участвуют различные субъекты экономических отношений: чем большим могуществом обладает субъект хозяйственного производства, чем больше у него возможностей, тем легче ему вести борьбу со своими конкурентами.

Экономическая власть проявляется как навязывание наемным работникам капиталистом, руководством капиталистического предприятия воли с целью получения дохода. Тот факт, что получение дохода выступает главной целью субъекта экономической власти, делает зависимым положение наемного работника, вынужденного в процессе трудовой деятельности выполнять возложенные на него обязанности. Это не означает, что происходит полное обезволивание работника. В процессе трудовой деятельности работник проявляет интеллектуальные, физические, волевые усилия, которые носят подчиненный производственным целям характер.

Экономическая власть реализуется на различных уровнях: государственном, отраслевом, корпоративном, предпринимательском, в промышленности, в торговле, сфере услуг, на транспорте и т. д. На каждом из этих уровней, в каж-

дом подразделения она имеет свои организационные особенности. Поэтому для экономического пространства, в котором осуществляются властные отношения, характерны дискретность, количественное и качественное разнообразие, противоречивость во взаимоотношениях участвующих в сфере хозяйственной деятельности субъектов.

В отечественной литературе исследованию экономической власти посвящена работа А. Мовсисяна и А. Либмана «Фактор власти в экономике». Согласно их мнению, экономическое поведение человека обусловлено главным образом его волей и стремлением к увеличению экономической власти, расширению ее зоны. «Каждый экономический агент (индивид, организация или коалиция) стремится к максимизации собственной власти и нередко ведет себя при этом иррационально» [9, с. 50]. Авторы различают понятия «власть в сфере экономики» и «власть, достигающаяся с помощью экономических средств». «Однако четко определить, какие именно средства достижения власти являются экономическими, достаточно сложно. Кроме того, на практике любая форма власти основана на использовании всех ее ресурсов – вопрос лишь в пропорции их соотношения» [9, с. 51]. Например, государство как политический институт относится к политической сфере, тогда как принимаемые им решения в рамках осуществляемой экономической политики оказывают воздействие на экономическую эффективность. Аналогична и власть гражданских союзов, профсоюзов, политических партий в сфере экономики. Экономическую власть авторы определяют в двух значениях: широком и узком. В широком смысле под экономической властью понимается «специфическое отношение между экономическими институтами и организациями, а также социальными группами и отдельными лицами, деятельность которых связана с экономикой, в рамках которого один из них (субъект экономической власти), используя ряд ресурсов и инструментов власти, генерирует вокруг себя властное пространство, в пределах которого все остальные институты и группы вынуждены в большей или меньшей степени следовать воле и интересам субъекта экономической власти, поступаясь в определенной мере собственными интересами и целями» [9, с. 51–52]. В качестве основных зон экономического властного пространства выступают: организация, метакорпорация, рынок, внеэкономическая сфера. Критерием в этом случае служит «степень убывания власти». В работе достаточно подробно рассмотрены основные субъекты экономической власти. К таковым, по мнению авторов, относятся: 1) финансовые и нефинансовые корпорации; 2) метакорпорации, или группы, включающие множество компаний, банков и др.; 3) международные правительственные и неправительственные экономические и финансовые организации (МВФ, Мировой банк, ВТО и др.); 4) некоммерческие организации, воздействующие на экономические процессы (профсоюзы, организации борьбы за чистоту окружающей среды, объединения потребителей, гражданские союзы и др.); 5) государственные органы, воздействующие на экономику; 6) отдельные предприниматели и руководители корпораций, а также государственные чиновники; 7) формальные и неформальные

объединения предпринимателей. Власть каждого конкретного субъекта определяется ресурсами власти, которыми он обладает. «Ресурс власти — это некоторое свойство, черта, отличающая субъект власти от объекта власти и дающая субъекту доступ к инструменту власти... Владея ресурсом, субъект власти может предпринять определенные действия, которые, воздействуя на объекты власти, приводят к расширению его властного пространства» [9, с. 56].

В настоящее время в условиях глобализации особую актуальность приобретает вопрос о роли экономической власти в экономических межгосударственных отношениях. Между различными странами, отдельными корпорациями, финансовым капиталом идет борьба за рынки сбыта продукции, за обладание сырьем, за дешевую рабочую силу, сохранение собственной экологической среды. Неравные экономические условия существования государств позволяют экономически развитым странам навязывать свою волю слаборазвитым, диктовать выгодные условия для вложения своего капитала и получения прибыли. Ведущая роль в этом процессе принадлежит транснациональным корпорациям (ТНК), проводящим активную политику по обеспечению своих экономических и политических приоритетов в мире. Обладая значительной экономической мощностью, они используют экономические властные рычаги для регулирования процесса мирового экономического развития в своих интересах. От такой политики особенно страдают слаборазвитые страны, которые не в состоянии противостоять осуществляемой против них экономической экспансии. ТНК оказывают существенное экономическое воздействие не только на мировую хозяйственную систему, но и на политику отдельных государств и правительств, в случае необходимости принуждая их принимать выгодные для себя политические решения.

Политическая власть

Несмотря на общие признаки, свойственные власти как социологическому явлению, политическая власть в зависимости от политического режима имеет различную конструкцию, которая во многом определяет характер жизнедеятельности общества. Остановимся несколько подробнее на этом вопросе.

Политический режим понимается как способ организации и функционирования властных отношений. В обществе политический режим находит свое институциональное воплощение в политической системе. Главным субъектом властных отношений в политической системе выступает государство. Именно в государстве, прежде всего в организации государственной власти, воплощается ведущий принцип «режимного» властного регулирования.

Однако многообразие политического бытия свидетельствует, что один и тот же политический режим в разных странах, в различных общественных условиях, сохраняя в основном свои сущностные признаки, может варьировать в определенном диапазоне изменений, проявляться неодинаковым образом.

Рассмотрим наиболее существенные черты, свойственные организации и деятельности власти при тоталитаризме, авторитаризме и демократии.

Основные признаки тоталитаризма сформулированы З. Бжезинским и К. Фридрихом. К ним относятся: господство одной политической партии; опора на насильственные, принудительные методы осуществления власти; привлечение армии к осуществлению организованного насилия; наличие тотальной идеологии; монополия на средства массовой информации; подчинение экономики целям политики [14, р. 9-10]. Кроме того, тоталитарной организации политической власти могут быть свойственны и более частные признаки: главенство исполнительной власти над законодательной; совмещение в одном лице или органе высших законодательных и исполнительных функций; жесткая субординационная властная зависимость; наличие военно-административной бюрократической системы; примат тоталитарным образом понимаемых государственных интересов над личностными, групповыми, общественными; нетерпимость к инакомыслию, поиск врагов, подозрительность к людям; элитарность верхнего эшелона власти, его привилегированность; подчинение науки, культуры целям проводимой политики; консерватизм, догматизм, волюнтаризм и субъективизм в политике; властный контроль за благонадежностью граждан; отчуждение граждан от власти; создание соответствующих организационных структур, влияющих на формирование и воспитание молодежи; наличие отстоящей во времени привлекательной утопической или вероятно осуществимой цели общественного развития, якобы оправдывающей средства и приносимые жертвы на пути ее осуществления; формирование в сознании людей религиозно-фанатических установок в отношении к власти.

Названные признаки не исчерпывают всех возможных особенностей организации тоталитарной политической системы. К существенным признакам данного режима Х. Арндт относит вождизм: «Если рассматривать тоталитарное государство единственно как инструмент власти и оставить в стороне вопросы административной эффективности, индустриальных мощностей и экономической продуктивности, то его бесформенность окажется идеальным инструментом реализации так называемого принципа вождизма» [1, с. 527]. Вождь олицетворяет тотальность режима, так как сосредоточивает в своих руках всю полноту высшей власти.

При всех имеющихся недостатках тоталитарному режиму присущи свойства, которые делают его способным решать достаточно сложные задачи. Он обладает большой мобилизационной способностью. Сильная, опирающаяся на насилие и принуждение тоталитарная власть, может в короткие сроки мобилизовать массы на выполнение масштабных мероприятий. В рамках своей политической идеологической доктрины и целей данный режим может по-своему заботиться о развитии страны, о повышении жизненного уровня населения, о воспитании подрастающего поколения и молодежи, трудовой занятости, социальном обеспечении, здравоохранении, образовании, развитии культуры. По мере роста экономического могущества страны появляются возможности для

создания сравнительно обеспеченного существования населения. При тоталитаризме могут иметь место значительные достижения в развитии промышленности, науки и др.

В кризисных ситуациях возникновение тоталитарного режима может рассматриваться как способ разрешения социальных противоречий, как фактор, стабилизирующий общество. Он может служить также средством, обеспечивающим господство узкой группы лиц, выступать базой для насильственной реализации цели (утопической, реальной, вероятно осуществимой). Мера неизбежности тоталитаризма определяется уровнем остроты социальных противоречий. Чем они контрастней, резче, непримиримей, тем более велика вероятность установления тоталитарного режима. Избежать такого хода событий можно или путем своевременного разрешения возникших противоречий в обществе, или путем реформирования властно-управленческой системы на демократических началах. Но для этого нужны заинтересованные в демократических преобразованиях силы, ставящие своей целью не деструктивные (разрушительные) планы, реализация которых отбросила бы страну на десятки лет назад, а конструктивные, созидательно переходные, способные дать новый импульс общественному развитию. К сожалению, длительный период так называемых демократических преобразований в России осуществлялся по первому варианту.

Таким образом, тоталитаризм — это способ организации общественной жизни, основу которого составляет насильственное, принудительное навязывание воли со стороны наделенного высшей властью субъекта через систему специально созданных институтов с целью подчинения граждан, их деятельности политическому господству государственной власти. Тоталитаризм внутренне противоречив и недолговечен, чем он бесчеловечнее, тем более реально его ниспровержение. Но это зависит от уровня цивилизованности общества и других обстоятельств. Данный режим претерпевает изменения: он может быть властно жестким, репрессивным; в определенные периоды вмешательство власти в личную жизнь граждан может носить относительно ограниченный характер, репрессии не быть столь массовыми. Таковым является посттоталитаризм. Не исключена возможность постепенного преобразования посттоталитаризма в более мягкие формы властвования, а в отдельных случаях — выход на стадию демократических преобразований.

На первый взгляд может показаться, что авторитаризм имеет своей исторической предпосылкой монархический принцип организации власти. Однако это не так, имеются существенные различия между данными формами правления. Авторитаризм отличается от монархического правления тем, что верховная власть там носит не столько формальный, сколько активно действенный характер. Авторитарный лидер инициирует властную деятельность подчиненных структур, утверждая собственную волю или волю ближайшего окружения (властвующей элиты), интересы которого он представляет. Сам факт наличия «закрытости» политических интересов, целей и задач узкой группировки лиц,

причастных к высшим кругам власти, свидетельствует о противопоставлении данных интересов основной массе населения. Принудительная легитимность используется как фактор введения масс в заблуждение относительно подлинных интересов и устремлений власти. С этой целью, пытаясь придать привлекательность своей политике, власть спекулирует на использовании демократической терминологии, соответствующей интерпретации демократических ценностей. При доминирующей роли принудительной политики по отношению к основной массе населения авторитарная власть не в состоянии мобилизовать массы для активной поддержки своей политики. Гражданское общество сегментно разобщено, деятельность оппозиции сводится к минимуму. Плюрализм носит ограниченный характер, на политическом рынке господствующее положение занимают проправительственные СМИ. Все это делает авторитарный режим неустойчивым. Не находя серьезной внутренней поддержки, он вынужден иногда прибегать к помощи зарубежных стран, идя на значительные уступки их интересам. В обществе подспудно зреют силы, возникают группы интересов, стремящиеся к верховенству в структуре государственной власти. «Авторитарным режимам угрожает не подрыв их легитимности, а организация контрgegемонии: коллективные проекты альтернативного будущего. Только наличие коллективных альтернатив дает отдельной личности возможности политического выбора. Поэтому авторитарные режимы испытывают ненависть к независимым организациям и стараются или подчинить их контролю, или же подавить с помощью силы» [11, с. 95]. Авторитарная власть не заинтересована в осуществлении контроля над своей властью, поэтому делает все возможное, чтобы исключить таковой. Это делает авторитарный режим, если не по целям, то по характеру осуществляемых властных методов в большей или меньшей мере враждебным народу своей страны. Чем более олигархичен тоталитарный режим, тем более он враждебен собственному народу. В этой связи независимость авторитарного лидера от олигархических кругов, самостоятельность его политики, ориентированной на интересы нации, может рассматриваться на определенном историческом этапе развития страны как явление положительное.

Можно без преувеличения сказать, что роль и значение демократии для общественного мирового развития в условиях глобализации неизмеримо возрастает. Дело осложняют не только различия в демократическом устройстве государств, но и разногласия в понимании демократии.

Возьмем, например, известную работу С. Хантингтона «Третья волна. Демократизация в конце XX века». Ее автор полагает, что современное употребление понятия «демократия» берет начало от революционных переворотов в западном обществе конца XVIII в. «В середине XX в., — пишет он, — в ходе дебатов о смысле слова “демократия” выделились три основных подхода. Демократия как форма правления стала определяться исходя либо из источников власти правительства, либо из целей, которым правительство служит, либо из процедур его образования» [12, с. 16]. Первые два значения демократии не

совсем точны и двусмысленны. Наиболее правильным ученый считает процедурный подход, сформулированный в 1942 г. Й. Шумпетером, который подверг критике классические объяснения демократии с помощью абстрактных понятий, таких, как «воля народа», «благо народа» и др. Основанием для этого послужил факт возможности использования их в условиях недемократических режимов. Существенное внимание Шумпетер уделял лидерству, которому отводил ведущее место в процессе демократического взаимодействия. Суть его концепции заключается в следующем: «Демократический метод — это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» [13, с. 355]. Несмотря на краткость, определение в методологическом плане ценно следующим: 1) речь идет о демократическом методе организации властных отношений как сущностной процедуре, обуславливающей качество демократичности; 2) сам метод — производная соответствующего институционального устройства, предназначенного для принятия политических решений; 3) индивиды наделены властью, дающей возможность вести конкурентную борьбу за голоса избирателей. Достоинство данного подхода в том, что здесь по существу нет противопоставления институциональной и процессуальной (функциональной) сторон демократического процесса. Такая трактовка демократии, по мнению Хантингтона, позволило обеспечить аналитическую точность, эмпирическую референтность использования данного понятия, способствовало сокращению нормативных дискуссий, перенесла центр тяжести на проблемы, связанные с выяснением природы демократических институтов, механизмов их функционирования, выяснение причин их расцвета и гибели.

Основным механизмом процедурной демократии выступают честные периодические выборы, в ходе которых кандидаты свободно соревнуются за голоса избирателей, а голосовать имеет право практически все взрослое население. Важный показатель демократичности системы — отношение власти к оппозиции. Преследование, притеснение оппозиции — один из показателей недемократичности общества.

Наряду с этим Хантингтон считает нужным при определении демократии отметить следующие моменты.

1. Определение демократии на основе критерия выборов является минимальным (схватывающим главную суть данного явления). При этом ученый отмечает, что для некоторого понимания «подлинной демократии» связано с наличием свободы, равенства, братства, эффективного гражданского контроля над полицией, с ответственностью правительства перед населением, честностью и открытостью в политике, компетентной и рациональной совещательностью, равным участием в отправлении власти и другими гражданскими ценностями. Однако перечисленным признакам присущи такие же недостатки, как и пониманию демократии по критериям источника или цели. Поэтому автор

делает вывод: «Выборы, открытые, свободные и честные, — суть демократии, ее неизбежное *sine qua non*» [13, с. 20].

2. Понятие демократии подразумевает ограничение власти; выборные лица, принимающие решения, не должны обладать тотальной властью;

3. Жизнеспособность демократической политической системы зависит от ее стабильности и институализации.

4. При выработке методологического основания в понимании вопроса о соотношении демократичности и недемократичности как дихотомической или непрерывной величины дихотомический подход более соответствует цели исследования, так как предоставляет возможность понять процесс перехода от недемократического режима к демократическому.

5. При недемократических режимах нет избирательного соревнования и широкого участия в голосовании. К таким режимам относятся абсолютные монархии, бюрократические империи, олигархии, аристократии, конституционные режимы с ограниченным избирательным правом, личные деспотии, фашистские и коммунистические режимы, военные диктатуры и другие типы правления.

Таким образом, Хантингтон демократию понимает как властное взаимодействие в обществе, основу которого составляет механизм, обеспечивающий участие взрослого населения в выборах своих представителей в соответствующие властные структуры. Кандидаты ведут между собой конкурентную борьбу за голоса и, если правила данной процедуры отвечают демократическим требованиям, то данный режим является демократическим. Хантингтон ограничивает понимание сущности демократии процессуальным ракурсом, это позволяет ему быть в своих суждениях и выводах достаточно конкретным.

В зависимости от особенностей общества демократии может быть больше или меньше. Возможно существование полудемократических режимов. Существенное влияние на возможность демократических преобразований оказывает уровень экономического развития общества: «Демократия в какой-то мере предопределяется властью большинства, и ее трудно добиться в условиях концентрации неравенства, когда огромное, доведенное до обнищания большинство противостоит малочисленной богатой олигархии». В другой работе по этому поводу Хантингтон говорит: «Большинство бедных обществ останутся недемократическими до тех пор, пока будут оставаться бедными» [12, с. 79, 337].

По-своему понимает демократию Р. Даль, использующий понятие полиархии для характеристики современного состояния демократии в мире. В самом общем плане он рассматривает ее как набор политических институтов, необходимых для крупномасштабной демократии. Этому способствовали масштабные изменения в мире, следствием чего явилось представительное управление, большое многообразие, возрастание различий и конфликтов, обусловивших возникновение соответствующего набора современных институтов демокра-

тии. Для полиархии присуще значительное количество групп и организаций, «поразительное расширение индивидуальных прав». Как политическому строю ей свойственны две черты: «Гражданство распространено на сравнительно большую часть взрослого населения. Права гражданства включают возможность выступать против высших должностных лиц в правительстве и смещать их посредством голосования» [5, 340]. Полиархию следует понимать как политический порядок, определяемый наличием семи следующих институтов: 1) выборных властей; 2) свободных и справедливых выборов; 3) избирательного права, позволяющего принимать участие взрослому населению в голосовании; 4) права претендовать на избрание; 5) свободы выражения своего мнения; 6) альтернативных источников информации; 7) организационной самостоятельности (имеется в виду право граждан на формирование сравнительно самостоятельных организаций или ассоциаций).

«Полиархия обеспечивает широкий набор человеческих прав и свобод, которые не может гарантировать ни одна из реально существующих в современном мире альтернатив. Как отмечает Р. Даль, отношение к полиархии в разных странах различно. Там, где она существует длительное время, «пресыщены ее институтами и оскорблены недостатками», там, где нет полиархии, демократы, лишённые этих институтов, находят их весьма желательными и безупречными». «Полиархия обеспечивает широкий набор человеческих прав и свобод, которые не может гарантировать ни одна из реально существующих в современном мире альтернатив ей» [5, с. 343-344].

Полиархические страны различаются по степени соответствия их правительства критериям демократического процесса. Рассмотрим, какие критерии выделяет Р. Даль.

1. Контроль над правительственными решениями, касающимися политического курса, конституционно закреплён за выборными должностными лицами.
2. Выборные должностные лица определяются и мирно смещаются в ходе сравнительно частых, справедливых и свободных выборов, при этом принуждение вполне ограничено.
3. Практически всему взрослому населению дано право участвовать в этих выборах.
4. Большая часть взрослого населения также имеет право выступать в качестве кандидатов на официальные должности, за которые идет соревнование на этих выборах.
5. Граждане реально пользуются правом на свободное самовыражение, особенно политическое, включая критику должностных лиц, действий правительства, преобладающей политической, экономической, социальной системы и господствующей идеологии.
6. Они также имеют свободный доступ к альтернативным источникам информации, не находящейся под монопольным контролем правительства или любой другой единичной группы.

7. Наконец они имеют эффективно обеспечиваемое право образовывать самостоятельные ассоциации и вступать в них, включая политические объединения, такие, как политические партии и группы интересов, стремящиеся влиять на правительство, используя для этого конкуренцию на выборах и другие мирные средства.

В демократическом государстве военные и полиция должны быть поставлены под гражданский контроль. Общество, которое наиболее соответствует полиархии, Р. Даль называет современным динамическим плюралистическим обществом (СДП). Для него характерны следующие признаки: относительно высокий уровень доходов и богатства на душу населения; их возрастание на протяжении длительного времени; высокий уровень урбанизации; сокращение занятого в сельском хозяйстве населения; многообразие сфер профессиональной деятельности; широкое распространение грамотности; сравнительно большое число лиц, посещающих высшие учебные заведения; относительно автономные фирмы, играющие определяющую роль в производстве; высокий уровень «традиционных индикаторов благосостояния», таких, как количество врачей на 1000 жителей, покупательная способность семей и т.д. Все многообразие этих свойств, согласно Далю, можно свести к двум основным. «Во-первых, СДП общество рассредоточивает власть, влияние, авторитет и контроль, ранее концентрировавшиеся в едином центре, между различными индивидами, группами, ассоциациями и организациями. Во-вторых, оно способствует появлению установок и убеждений, подготавливающих почву для развития демократических идей. И хотя эти две черты СДП общества возникают независимо, зародившись, они подкрепляют друг друга» [5, 383].

Полиархию нельзя создать искусственным образом там, где для этого не созрели соответствующие условия. Поэтому автор далек от того, чтобы прогнозировать в ближайшее время бурное развитие полиархии в большинстве современных недемократических стран. Тенденция такова полиархия в мире постепенно прогрессирует, распространяется, но процесс этот сложный и противоречивый, для ряда стран он будет носить затяжной характер.

А. Лейпхарт не согласен с традиционно установившимся мнением, что в многосоставных обществах трудно создать и поддерживать стабильный политический режим, как это бывает в обществах, где налицо стабильность и политическое согласие. Он считает, что достичь и поддерживать стабильное демократическое правление в условиях многосоставного общества хотя и трудно, но возможно, Такую форму демократии Лейпхарт называет общественной демократией. «При общественной демократии центробежные тенденции, присущие многосоставному обществу, уравновешиваются установками на взаимодействие и соответствующим поведением лидеров различных сегментов общества. Сотрудничество элит — первая и основная отличительная черта общественной демократии» [7, с. 36].

Понятие демократии у А. Лейпхарта синонимично полиархии Р. Даля. Лейпхарт выделяет четыре элемента общественной демократии: 1) осуществление власти большой коалицией политических лидеров всех значительных элементов многосоставного общества; 2) взаимное вето; 3) пропорциональность как главный принцип политического представительства; 4) высокая степень автономности каждого сегмента в управлении своими внутренними делами. Он дает следующие разъяснения по данному поводу: «Важнейшую черту большой коалиции составляет не ее конкретное институциональное устройство, а участие лидеров всех крупнейших сегментов в управлении многосоставным обществом» [7, с. 66]. Стиль политического управления в общественной демократии основан на объединении интересов. Особенности большой коалиции зависят от размеров страны, численности сегментов, других факторов. Участие в этой коалиции дает важную политическую гарантию сегментам, составляющим меньшинство. Для надежности гарантии необходимо, чтобы меньшинство обладало правом вето, которое синонимично «совпадающему большинству» «Взаимное вето может быть и неформальной неписаной договоренностью, и официально оформленным правилом, и закрепленной в конституции нормой» [7, с. 74].

Согласно Лейпхарту, принцип пропорциональности применяется двояко: во-первых, он является методом, с помощью которого между представителями различных сегментов распределяются посты в системе государственной службы, а также ограниченные финансовые ресурсы в форме правительственных субсидий; во-вторых, он используется в делегировании права принятия наиболее трудных и важных решений признанным лидерам, представляющим все сегменты общества. Наконец, как уже говорилось, автономия сегментов предусматривает самоуправление меньшинств, в сфере своих исключительных интересов. Особой формой автономии выступает федерализм.

В отличие от С. Хантингтона и Р. Даля, А. Лейпхарт основное внимание сосредоточил на характере взаимоотношений сегментов многосоставного общества, обеспечивающем наличие общественной демократии. Данное направление исследования позволяет выявить наиболее важные составляющие, ориентируясь на которые можно разрабатывать и использовать соответствующие технологии.

В разных странах демократия как политический строй имеет свои особенности. В. Меркель и А. Круассон даже пришли к обоснованию существования «дефективной демократии», т.е. демократии, которая не по всем параметрам соответствует данному режиму. «Мы определяем “дефективную демократию” как систему господства, в которой доступ к власти регулируется посредством значимого и действенного универсального “выборного режима” (свободных, тайных, равных и всеобщих выборов), но при этом отсутствуют прочные гарантии базовых политических и гражданских прав и свобод, а горизонтальный властный контроль и эффективность демократически легитимной власти серьезно ограничены» [8, с. 7].

Авторы выделяют шесть параметров, на основании которых можно определить политические режимы различных типов: легитимация господства; доступ к господству; монополия на господство; притязание на господство; структура господства; способ осуществления господства. Это позволяет им сформулировать трехмерный концепт «дефективных демократий», основу которого составляют три измерения: 1) всеобщее избирательное право; 2) эффективная монополия на господство со стороны демократически легитимных правительств; 3) либеральное правовое и конституционное государство.

Особое внимание авторы уделяют третьему измерению. Либеральные демократы, по их мнению, ограничены конституционно-правовыми нормами и процедурами, имеют гарантии, обеспечивающие взаимный контроль ветвей власти, основные гражданские права и свободы. Когда выбранные народом представители отступают от данных основных принципов», действуют в обход парламента или судебной власти или когда правовое государство умышленно и хронически «повреждается», то такая демократия является «дефективной». Авторы называют ее подтипом «нелиберальной демократии». Наряду с ней в качестве подтипов «дефективной» демократии они выделяют «исключающую демократию» и «анклавную демократию». В первой ограничено всеобщее избирательное право, во второй — конституционно-правовые гарантированные границы отменены в функциональных и территориальных анклавах, монополия на господство выборных конституционных органов власти является неформальной или ограничена с помощью права вето.

Рассмотренные концепции свидетельствуют о том, что проблема демократии на сегодняшний день чрезвычайно актуальна. Как правило, главный акцент делается на исследовании механизма, обеспечивающего демократические свободы и права, благополучное существование граждан в обществе. Демократия рассматривается преимущественно в сравнительном политологическом плане, на основании чего выделяются критерии, признаки, характерные для данного явления, дается концептуальное обоснование своего видения происходящих в мире демократических процессов.

Исследователи не ограничивают понимание демократии сферой политических отношений, справедливо считая, что обществу в целом присуще качество демократичности. В заключение можно сделать следующие выводы:

- 1) создана относительно хорошо разработанная теоретическая база для фундаментальных исследований проблем современной демократии;
- 2) спектр понимания демократии широк, о чем свидетельствует наличие различных подходов к исследованию данного явления;
- 3) демократия в основном мыслится как развивающееся, изменяющееся явление, динамический процесс, носящий внутренне противоречивый характер, как результат институционального и процедурного властного взаимодействия между гражданским обществом и государством, между сегментами общества

по поводу формирования властных структур и демократического принятия политических решений.

Библиографический список

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
2. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс-Универс, 1993.
3. *Вебер М.* Национальное государство и народнохозяйственная политика // Вебер М. Политические работы (1895–1919). М.: Праксис, 2003.
4. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. *Даль Р.* Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003.
6. *Келсо Л.О., Келсо П.Х.* Демократия и экономическая власть. Ростов н/Д: Феникс, 2000.
7. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.
8. *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефективных демократиях // Полис. 2002. № 1.
9. *Мовсесян А., Либман А.* Фактор власти в экономике // Власть. 2002. № 3.
10. *Мивениерадзе В.В.* Размышления о власти // Власть: Очерки современной философии Запада. М.: Наука, 1989.
11. *Пшеворский А.* Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 1999.
12. *Хантингтон С.* Третья волна: Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.
13. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм, демократия. М.: Экономика, 1995.
14. *Friedrich C.J., Brzezinski Z.K.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge (Mas.): Harvard Univ. Press, 1956.